

Н.В.Летаева

ПАСХАЛЬНЫЙ ХРОНОТОП В ПРОЗЕ В.А.НИКИФОРОВА-ВОЛГИНА

Рассматривается образ православного праздника Пасхи как ключевой в прозе писателя первой половины XX века Василия Акимовича Никифорова-Волгина. Обозначены особенности пасхального хронотопа как составляющей поэтики художественного образа пасхального праздника. Главный акцент делается на аксиологической ценности образа Пасхи в творчестве В.А.Никифорова-Волгина. Поэтика образа Пасхи близка православному пониманию главного христианского торжества. Писатель отражает в своих текстах опыт сознания человека, знающего церковную жизнь и церковный уклад изнутри. Основной замысел автора связан с интенцией соединения разновременных пластов, фокусирования их в образе пасхального времени как образе связи времён и поколений. В статье обращается внимание на творческий диалог В.А.Никифорова-Волгина и И.С.Шмелёва в изображении пасхального времени и пространства.

Ключевые слова: В.А.Никифоров-Волгин, проза, поэтика, образ, православный праздник, Пасха, хронотоп, пасхальный хронотоп

Внимание литературоведческих исследований к феномену текста обуславливает интерес к вопросам поэтики художественного произведения и творчества отдельного автора или группы писателей определённого периода или национальной культуры. В ряду вопросов поэтики особое место занимает вопрос соотношения и взаимоотношения пространства и времени в поэтическом, прозаическом, драматическом тексте. Разрабатываемый М.М.Бахтиным [1], П.А.Флоренским, Д.С.Лихачёвым, Ю.М.Лотманом, В.Н.Топоровым и др. учёными термин «хронотоп» аккумулирует взаимосвязь и взаимообусловленность образов времени и пространства в художественном тексте при доминировании образа времени и временных характеристик мира персонажей над образами пространства [2].

В ряду образов времени выделяется образ праздничного времени. Праздник и есть, по мнению Г.-Г.Гадамера, собственно время, определяющее и структурирующее жизнь человека, поскольку человек в исчислении времени движется «от праздника к празднику» [3]. Соединяясь с образами пространства в художественном тексте, образ праздничного времени, будучи доминантой хронотопа, определяет хронотоп праздника как явления, исполненного торжества.

Среди художественных образов праздника особое место занимают образы христианских праздников. Образы Рождества и Пасхи являются одними из ключевых образов мирового искусства. «От Рождества к Пасхе» движется человек, определяя время, утверждает Г.-Г.Гадамер в своей работе «Актуальность прекрасного». В русской литературе христианский православный праздник становится основой не только образа, мотива или сюжета, но и жанра, имеющего специфические признаки и черты. Более того, рождественское и пасхальное время, встроенное в художественном тексте в пространство праздника, позволяет выделить рождественский и пасхальный хронотоп, ставший предметом ряда исследований О.В.Астафьевой, А.С.Беляковой, К.О.Васяевой, А.А.Злобина, Л.И.Мальчукова, О.И.Соловьёвой, автора данной статьи [4] и др. В данной работе внимание акцентируется на изображении праздника Пасхи в произведениях русского писателя первой половины XX века Василия Акимовича Никифорова-Волгина, жившего в вынужденной эмиграции в 20-е — 30-е годы. Работа дополняет и расширяет корпус научных исследований, с одной стороны, творчества Никифорова-Волгина (исследований О.А.Бердниковой, А.С.Конюховой, Е.Л.Сузрюковой, Е.А.Осьмининой, Е.В.Яснковой и др.), с другой — пасхального хронотопа в литературе, наконец, поэтики прозы русского зарубежья в целом.

Образ Пасхи является одним из ключевых образов в творчестве Никифорова-Волгина. Писатель, сотрудничая в 20-е — 30-е годы с изданиями «Нарвский листок» / «Былой Нарвский листок», «Старый Нарвский листок», публикует статьи о Пасхе («Наша Пасха», «Христос Воскресе! и др.), пасхальные этюды (так автор сам характеризует жанр своих произведений): «Слёзы Спасовы», «На рубеже России». «В берёзовом лесу» и др. Никифоров-Волгин посвящает Пасхе несколько рассказов, часть которых включает в цикл рассказов о православных праздниках от Рождества до Троицы, составляющих основную часть динамичного цикла годового православного богослужения. Образ Пасхи не локализован в художественном пространстве прозы писателя в одном-двух рассказах, посвящённых празднованию Пасхи. Этот образ становится одним из ключевых в произведениях Никифорова-Волгина, неким локусом, к которому движется сознание персонажей и от которого оно отталкивается, делая образ праздника центром, формирующим событийное пространство. Это соотносится с христианским представлением о Пасхе как празднике праздников, находящемся вне годового цикла, при этом закреплённом за определённым днём в году, в который празднуется Пасха, и в то же время не закреплённом за календарным днём константно.

В цикле рассказов о православных праздниках образ Пасхи у Никифорова-Волгина впервые встречается в рассказе «Великий пост», где речь идёт о Чистом понедельнике (первом дне Великого поста): «Увидел в руке проходившего мальчишки прутик вербы, и сердце охватила знобкая радость: скоро весна, скоро Пасха и от

мороза только ручейки останутся!» [5]. Никифоров-Волгин не описывает великопостное время подробно, день за днём, как это делает, например, И.С.Шмелёв в романе «Лето Господне», где движение к Пасхе растягивается во времени, насыщено образами, деталями, описаниями как приёмами ретардации. Ожидание Пасхи как радостного времени составляет у Шмелёва оппозицию Великому посту как времени скорбному в традиционном народном понимании. Это объясняется тем, что Шмелёв отражает опыт прихожанина; писателя интересует народное сознание в не меньшей степени, чем сознание воцерковлённое. Как отмечает А.М.Любомудров, в «Лете Господнем» «реалии православия и Церкви воссозданы далеко не полностью воцерковлённым человеком», неопитом, новоначальным христианином [6].

У Никифорова-Волгина изображение времени поста в большей степени соответствует богословскому пониманию. Это связано с тем, что писатель отражает опыт сознания человека, знающего церковную жизнь и церковный уклад изнутри: Никифоров-Волгин окончил церковно-приходское училище, служил псаломщиком в нарвском Спасо-Преображенском соборе. Для Церкви время Великого поста, несмотря на скорбное движение к Голгофе, радостное время. Первый день Великого поста есть первый день движения к Пасхе как событию радостному, а значит, прикровенно, сакрально Великий пост эту радость отражает. Более того, Великий пост по сути своей является временем подготовки для воцерковления и крещения, воспринимаемого как личная Пасха. Именно поэтому время в рассказах Никифорова-Волгина о Пасхе уплотняется, сгущается: восемнадцать недель пасхального времени (три подготовительные недели к Великому посту, шесть недель поста, Страстная седмица, Пасхальная седмица, шесть недель до Троицы и неделя после Троицы [7]) представлены ёмко, концентрированно. Сознание героев словно торопит время: «В эти богоспасённые дни (так ещё называли пост) я часто подходил к численнику и считал листики: много ли дней осталось до Пасхи? Перелистал их лишь до Великой субботы, а дальше уж не заглядывал — не грешно ли смотреть на Пасху раньше срока?» (рассказ «Горжество Православия») [5, с. 40]. И вместе с тем автор подробно описывает последние три дня Страстной седмицы, в которые время словно замирает в ожидании Пасхи. Кроме того, писатель раздвигает границы времени, углубляясь в прошлое, обращаясь не только к ветхозаветным и новозаветным временам, но и к фольклорной традиции, древним сказаниям. «Отец загадал мне мудрёную загадку: “Стоит мост на семь вёрст. У конца моста стоит яблоня, она пустила цвет на весь Божий Свет”. Слова мне понравились, а разгадать не мог. Оказалось, что это семинедельный Великий пост и Пасха» (рассказ «Горжество Православия») [5, с. 40]; «— Ты знаешь, как в древних сказах величали Пасху? — спросил меня Яков. — Не знаешь. “Светозар-День”. Хорошие слова были у стариков. Премудрые!» (рассказ «Планица») [5, с. 61].

В прозе Никифорова-Волгина пасхальным временем измеряется художественное пространство, осмысливаемое как пасхальное на уровне пейзажа, интерьера, портрета, экфрасиса, деталей, имеющих значимость с точки зрения праздника Пасхи. Пасхальное пространство раскрывается писателем прежде всего в церкви; происходящее в пасхальную ночь подробно описывается сквозь призму богослужения. Земное растворяется в небесном свете, звуках. «Было часов пять утра, и в комнате стоял необыкновенной нежности янтарный свет, никогда не виданный мною. Почему-то представилось, что таким светом залито Царство Небесное... Из янтарного он постепенно превращался в золотистый, из золотистого в румяный, и наконец, на киотах икон заструились солнечные жилки, похожие на соломинки» (рассказ «Канун Пасхи») [5, с. 65]; «Пасха! Это она гремит в боготканых глаголах: “Господа пойте, и превознесите во вся веки!”» (рассказ «Великая суббота») [5, с. 71]; «Земля куда-то исчезла — стоишь не на ней, а как бы на синих небесах. А люди? Где они? Всё превратилось в ликующие пасхальные свечи!» (рассказ «Светлая заутреня») [5, с. 78]. Пасхальное пространство в рассказах наполнено светом; солнечные лучи на руках дворника, высветляют церковь, делают деревья розовыми, грязь золотой. В это пространство словно входит возглас из Литургии Преждеосвященных Даров «Свет Христов просвещает всех!».

Вне церкви в дни Великого поста и празднования Пасхи герои Никифорова-Волгина пребывают в пространстве дома, маркированном запахами, чистотой, обновлением, убранством, снедью: «Утро Великой Субботы запахло куличами. Когда мы ещё спали, мать хлопотала у печки. В комнате прибрано к Пасхе: на окнах висели снеговые занавески, и на образе “Двунадесятых праздников” с Воскресением Христовым в середине висело длинное, петушками вышитое полотенце»; «На столе лежали душистые куличи с розовыми бумажными цветами, красные яйца и разбросанные прутки вербы. Всё это освещалось солнцем, и до того стало весело мне, что я запел: — Завтра Пасха! Пасха Господня!» (рассказ «Канун Пасхи») [5, с. 65, 68]; «В этот день, с самого зарания показалось мне, что старый сарай напротив нашего окна как бы обновился. Стал смотреть на дома, заборы, палисадник, складницу берёзовых дров под навесом, на метлу с сизыми прутками в засолоченных руках дворника Давыдки, и они показались обновлёнными. Даже камни на мостовой были другими. Но особенно возрадованно выглядели петухи с курами. В них было пасхальное. В комнате густо пахло наступающей Пасхой» (рассказ «Великая суббота») [5, с. 69].

Если сравнивать творческий подход Никифорова-Волгина и Шмелёва к изображению Пасхи (сопоставительный анализ текстов писателей представляется весьма уместным: архитектура цикла рассказов Никифорова-Волгина о православных праздниках близка романной структуре, имеющей главы с заголовочным компонентом, и может быть сопоставима с архитектурой романа «Лето Господне»), то у Шмелёва образ пасхального богослужения можно определить как дискретный. Внимание сосредоточено не столько на том, что происходит в церкви, сколько на том, что происходит на улице, и не только на Крестном ходе, но и на иллюминации и салюте. Пасха гремит не столько в «боготканых глаголах», сколько в сочетании колокольного звона и звуков салюта, расцветивающего небо ракетами.

У Шмелёва мирское, суетное, отражающееся в приготовлении к Пасхе (обратим внимание на передвижения многочисленных персонажей, в том числе и хаотичные, а также на движения в направлении вверх-вниз), сосуществует с духовным восприятием праздника, праздничным песнопением, подготовкой к окормлению и поздравлению близких и тех, кто беден. Такой подход к изображению Пасхи соответствует сути русского православного человека, ставящего во главу угла соблюдение традиций наряду с воцерковлением, нередко в ущерб ему. Наполнение жизни определённой деятельностью всегда соотносится с повседневностью, и эта деятельность заполняет художественное пространство романа Шмелёва. Н.М.Солнцева отмечает, что в «Лете Господнем» представлено «земное, утварное христианство, укоренённое в национальном быте» [8], к которому присоединяются «устойчивые формы, именуемые обычаями», как способы выражения празднования, и нет «обычая, который не был бы старым, то есть ставшим устойчивой привычкой определённого действия» [3, с. 308]. Таким образом, Шмелёв раскрывает аксиологическое содержание праздника Пасхи, опираясь на видимое, мирское и сакральное, православное. Писатель сужает пасхальный хронотоп к московскому пространству. Изображение праздника в контексте этого пространства важно для понимания шмелёвских образов православных праздников, которые писатель определял как «кульминационный пункт» православия [9].

У Никифорова-Волгина Пасха одухотворена, поэтически осмыслена: «В этот день церковь была как бы высветленной, хотя и стояла ещё Плащаница и духовенство служило в чёрных погребальных ризах, но от солнца, лежащего на церковном полу, шла уже Пасха» (рассказ «Великая суббота») [5, с. 69]; «— Где-то сейчас Пасха? — размышлял я. — Витает ли на небе, или ходит за городом, в лесу, по болотным кочкам, сосновым останкам, подснежникам, вересковыми и можжевельными тропинками, и какой имеет образ?» (рассказ «Светлая заутреня») [5, с. 75-76]. Пасха как праздничное время охватывает всё видимое героем пространство, соединяя земное с небесным. Никифоров-Волгин избирает рассказчиком своего цикла рассказов о православных праздниках ребёнка (как, заметим к слову, и Шмелёв), отсылая, как нам видится, к евангельскому тексту: «Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное» (Мф. 18: 2—3) [10]. Образ ребёнка в рассказах Никифорова-Волгина о Пасхе соединяет изображаемое художественное время и пространство с первобытным пространством времён сотворения мира и напоминает о времени гармоничного, счастливого состояния человека в Эдеме.

Система образов в рассказах о пасхальном времени определяется ценностями, существующими в сознании героя. Мирское, суетное, повседневное в пасхальных рассказах Никифорова-Волгина уходит на второй план, растворяется в сопереживании ребёнка Страстям Господним и радости празднования Пасхи. Писатель в художественном пространстве своих рассказов органично соединяет церковное богослужение с художественным словом. Молитвенный текст, неоднократно используемый автором в событийном пространстве пасхального времени, акцентирует вневременное начало, связанное с Источником пасхального торжества. В рассказах изображены священнодействия и возгласы церковнослужителей, отдельные песнопения хора, чтение Деяний апостолов. По сути, Никифоров-Волгин художественно осмысливает одну из сторон православного сознания, отражённого в евангельском сюжете о Марфе и Марии, символизирующих жизнь деятельную и созерцательную: созерцательность в прозе писателя преобладает над деятельностью.

Никифоров-Волгин не локализует Пасху на топонимическом уровне. События пасхальных сюжетов предположительно происходят в Нарве, куда писатель вместе с родителями переехал из Тверской губернии, но автор не вербализует топоним в рассказах. Для автора важно представить пасхальное событие во времени и пространстве и в то же время вне времени и пространства, более того, заполнить всё время и пространство празднованием Пасхи. И это находит подтверждение в прозе писателя: образ Пасхи раскрывается не только в рассказах с пасхальным сюжетом и в рассказах о пасхальном времени, но и в рассказах вне цикла о православных праздниках (например, «Юродивый», «Алтарь затворенный», «Безбожник»).

Поэтика рассказов Никифорова-Волгина о Пасхе, как отмечалось, не обременена оными. Тем не менее воспоминания о московской Пасхе в прозе писателя есть: «— Московская Пасха, сынок, могучая! Кто раз повидал её, тот до гроба поминать будет. Грохнет это в полночь первый удар колокола с Ивана Великого, так словно небо со звёздами упадёт на землю! ... Морем стелется по Москве Иван Великий, а остальные сорок сороков вторят ему, как реки в половодье! Такая, скажу тебе, сила плывёт над первопрестольной, что ты словно не ходишь, а на волнах качаешься маленькой щепкой. Могучая ночь, грому Господню подобная! Эй, сынок, не живописать словами пасхальную Москву!» («Светлая заутреня») [5, с. 73-74]. В московской Пасхе соединяются разные временные пласты, что отражается в использовании различных видо-временных форм глаголов, разных пространственных координат (небо, земля, вода, колокол как «посредник» между небом и землёй). Здесь вновь обращаем внимание на творческий диалог Никифорова-Волгина и Шмелёва в контексте московского пасхального хронотопа. К слову, Никифоров-Волгин не обходит стороной и народных поверий, раздвигающих границы пространства и времени: «Вечерняя земля затихала. Дома открывали стеклянные дверцы икон. Я спросил отца:

— Это для чего?

— Это знак того, что на Пасху двери райские отверзаются!» («Светлая заутреня») [5, с. 73].

Подводя итог размышлениям о специфике изображения Пасхи в прозе Никифорова-Волгина, подчеркнём ведущую роль пасхального хронотопа в художественном воплощении эстетической реальности образа

важнейшего христианского праздника. Основной замысел автора, как нам видится, связан с интенцией соединения разновременных пластов, фокусирования их в образе пасхального времени, раскрывающем аксиологические ценности писателя. Для русской литературы первой трети XX века, в том числе литературы русского зарубежья, одним из фундаментальных вопросов являлся вопрос связи времён, поколений на фоне разрушительных социально-политических процессов в России. Эту связь автор видел в сохранении памяти о православных праздниках, прежде всего о Рождестве и Пасхе, связанных с евангельскими истинами, верой в чудо преображения человеческой души, искажённой и искалеченной современностью.

Поэтика образа Пасхи в прозе Никифорова-Волгина в простоте и многогранности воплощения близка православному пониманию главного христианского торжества и Источника этого торжества. Пасхальный хронотоп как компонент поэтики образа Пасхи соединяет временное и вечное, земное и небесное пространство.

1. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 502 с.
2. Тмарченко Н.Д. Хронотоп // Поэтика: слов. актуал. терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д.Тмарченко. М.: Издательство Кулагинной; Intrada, 2008. С. 287-288.
3. Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. М.: Искусство, 1991. С. 310.
4. Летаева Н.В. Рождественский хронотоп в прозе русского зарубежья // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 2(27). Ст. 21. DOI: 10.34680/2411-7951.2020.2(27).21
5. Никифоров-Волгин В.А. Дорожный посох. Рассказы / Сост. Ю.Шигарова. М.: Ника, 2014. С. 30.
6. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К.Зайцев, И.С.Шмелёв. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003. С. 135-136.
7. Рубай Ю.И. Пасха. Светлое Христово Воскресение: история, богослужение, традиции. Изд. 3-е, испр. и доп. СПб.: Коло, 2014. 112 с.
8. Солнцева Н.М. Иван Шмелёв. Жизнь и творчество. Жизнеописание. М.: Эллис Лак, 2007. С. 289.
9. И.С.Шмелёв и О.А.Бредиус-Субботина. Роман в письмах: В 2 т. Т. 1 / Предисловие, подготовка текста и комментарии О.В.Лексиной, С.А.Мартьяновой, Л.В.Хачатурян. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 508.
10. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2008. С. 1032.

References

1. Bakhtin M.M. Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let [Questions of Literature and Aesthetics: Research of different years]. Moscow, 1975. 502 p.
2. Tamarchenko N.D. Khronotop [Chronotope]. In: Tamarchenko N.D., ed. Poetika: slov. aktual. terminov i ponyatyy. Moscow, 2008, pp. 287-288.
3. Gadamer G.-G. Aktual'nost' prekrasnogo [The Relevance of the Beautiful]. Moscow, 1991, p. 310. (In Russ.).
4. Letaeva N.V. Rozhdestvenskiy khronotop v proze russkogo zarubezh'ya [Christmas chronotope in Russian Diaspora's prose]. Memoirs of NovSU, 2020, no. 2(27), art. 21. DOI: 10.34680/2411-7951.2020.2(27).21
5. Nikiforov-Volgin V.A. Dorozhnyy posoh. Rasskazy [Road staff. Stories]. Moscow, 2014, p. 30.
6. Lyubomudrov A.M. Dukhovnyy realizm v literature russkogo zarubezh'ya [Moral Realism in Russian Diaspora's literature: B.K.Zaytsev, I.S.Shmelev]. Saint Petersburg, 2003, pp. 135-136.
7. Rubai Yu.I. Paskha. Svetloe Khristovo Voskresenie: istoriya, bogoslužhenie, traditsii [Easter. Easter time: history, worship, traditions]. Saint Petersburg, 2014. 112 p.
8. Solnceva N.M. Ivan Shmelyov. Zhizn' i tvorchestvo. Zhizneopisanie [Ivan Shmelyov. Life and work. Biography]. Moscow, 2007, p. 289.
9. I.S.Shmelev i O.A.Bredius-Subbotina. Roman v pis'makh [I.S.Shmelev and O.A.Bredius-Subbotina. Epistolary novel] in 2 vol, vol. 1. Moscow, 2003, p. 508.
10. Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vekhogo i Novogo Zaveta [Bible. Books of the Holy Bible of the Old and New Testaments]. Moscow, 2008, p. 1032.

Letaeva N.V. Easter chronotope in V.A.Nikiforov-Volgin's prose. The article deals with the literary image of Easter as a key image in Vasily Akimovich Nikiforov-Volgin's prose, the writer of the Easter first half of the 20th century. The features of the Easter chronotope as a component of the poetics of the literary image are presented in the article. The main focus is on the axiological value of the literary image of Easter in Nikiforov-Volgin's prose. The poetics of the literary image of Easter correlates with the Orthodox understanding of the main Christian celebration. In his prose, Nikiforov-Volgin reflects the experience of a person who knows church life from the inside. The main author's idea is connecting different epochs and focusing them in the literary image of Easter as an image of the connection between epochs and generations. A creative dialogue on the depiction of Easter time and space between V.A.Nikiforov-Volgin and I.S.Shmelev is highlighted in the article.

Keywords: V.A.Nikiforov-Volgin, prose, poetics, literary image, Orthodox holiday, Easter, chronotope, Easter chronotope.

Сведения об авторе. Наталья Викторовна Летаева — кандидат филологических наук, доцент, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, кафедра русского языка; ORCID: 0000-0002-2309-8501; letaeva.n@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.05.2022. Принята к публикации 01.06.2022.

Ссылка на эту статью: Летаева Н.В. Пасхальный хронотоп в прозе В.А.Никифорова-Волгина // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2022. № 4(43). С. 475-478. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.4(43).475-478

For citation: Letaeva N.V. Easter chronotope in V.A.Nikiforov-Volgin's prose. Memoirs of NovSU, 2022, no. 4(43), pp. 475-478. DOI: 10.34680/2411-7951.2022.4(43).475-478